

УДК 821. 161.1

Ю.Г. ПЕТРЕНКО

(yulechka.3385@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДТЕКСТ ТРАГЕДИИ «СКУПОЙ РЫЦАРЬ» А.С. ПУШКИНА

В статье с философско-религиозной точки зрения анализируется трагедия «Скупой рыцарь». Устанавливается и комментируется переключка пушкинского и библейского текстов, что позволяет во многом по-новому посмотреть на трагедию и осознать её злободневность.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, трагедия, философско-религиозный подтекст, оксюморон.

Нет необходимости сегодня доказывать, что без обращения к Библии невозможно постичь глубинный смысл пушкинских текстов. Об этом существуют серьезные научные исследования, к примеру, А.П. Дмитриев дает обширную библиографию по вопросу [3]. Сам А.С. Пушкин считал, что Евангелие «есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира» [6]. Приведем цитату из статьи В.С. Непомнящего «Христианство Пушкина: проблемы и легенды»: «Полнота и ясность непосредственного пушкинского созерцания Божьего мира, воплощаемые не в «теоретических» формулировках, а на языке искусства, отражают идеалы такой высоты, которая граничит с неотмирностью, составляющей одну из ключевых черт православного строя мысли и чувств» [5]. Рассмотрим пушкинскую трагедию «Скупой рыцарь» в указанном аспекте.

На первый план в трагедии выходит конфликт между Бароном (отцом) и Альбером (сыном), которые принадлежат к французскому рыцарству. Проблема в том, что они – рыцари разных эпох. Барон – человек старой закалки, представитель того времени, когда рыцарь должен был быть не только смелым воином, но и богатым феодалом. Для рыцарей «нового» времени, к коим относится Альбер, характерны наигранная храбрость, расточительность, а главное их занятие – турниры.

Несовместимость характеров и взглядов – это, пожалуй, важнейшие причины конфликтов отцов и детей. Но в этой трагедии все намного глубже и сложнее. Жадность Барона не позволяет Альберу быть настоящим рыцарем своего времени: «*А нынче что скажу? О, бедность, бедность! / Как унижает сердце нам она!*» [6]. Вот в чем заключается ужас современности. Главным человеческим пороком считается бедность материальная, а не душевная. Падение человеческой морали – еще одна проблема, которую затрагивает Пушкин в трагедии.

Барон за всю свою жизнь не просто научился контролировать свои желания, которые требовали бы лишних затрат, но и вовсе избавился от них. Его жизнь – это существование, подчинение одной только истине, которую Барон сам для себя выбрал, – золоту. Получается, что, избавившись от других страстей, зачастую таких естественных для любого нормального человека, ради золота, он подчинился ему. Золото заменило ему друзей, сына, саму жизнь во всех ее проявлениях. На первый взгляд, Барон исключил все эмоциональное из своей жизни, он является абсолютно бесчувственным существом, которого не трогают чужие переживания. Это ошибочно, и истинно верным из этого может являться только то, что Барона не интересуют другие люди. А вот назвать его человеком, лишенным всяких чувств, нельзя. Мы можем убедиться в этом, прочитав строки из монолога Барона: «*Я каждый раз, когда хочу сундук / Мой отпереть, впадаю в жар и трепет. / Не страх (о нет! Кого бояться мне? / При мне мой меч: за золото отвечает / Честной булат), но сердце мне теснит / Какое-то неведомое чувство...*» [6].

Его сердце очерствело и не приемлет проявления эмоций к людям, но вот деньги – это совсем другое, это его страсть, за них он готов пожертвовать всем, включая свою жизнь. Главным разочаровани-

ем Барона является его же собственный сын, которого он не смог правильно воспитать, научить правильно относиться к сбережениям: *«Он разобьет священные сосуды, / Он грязь елеем царским напоит – / Он расточит...»* [6].

Посмотрим на Барона с точки зрения религиозной. В нравственном богословии XIX в. смертный грех определяется так: «Смертным грехом нужно почитать всякий тяжкий грех, который, овладевая душою человека, делается в нём господствующим, подавляет в нем духовную жизнь, ожесточает его сердце нераскаянностью, делая его неспособным к принятию благодати Божией. Такие грехи называются смертными как потому, что свидетельствуют об омертвлении в нас любви к Богу и ближним и вообще духовной жизни, так и потому, что, лишая нас Царствия Божия, подвергают вечной гибели и смерти» [7].

Алчность – один из семи смертных грехов. Основа жадности – сребролюбие, то есть жажда наживы, любовь к деньгам. Любовь эта настолько сильна, что человек не может думать ни о чем, кроме как преумножить свои богатства, причем путем нечестным. Эти люди забывают о духовности, не думают о других совершенно. Они идут на преступление не только против Господа, но и против самих себя, против ближнего своего. Фома Аквинский определил главные пороки в качестве источника множества грехов следующим образом: «Главный порок таков, что имеет чрезвычайно желанную цель, так что в ее вожделинии человек прибегает к совершению многих грехов, которые все берут начало в этом пороке как их главной причине» [3].

Считается, что именно от сребролюбия берут начала и остальные смертные грехи человечества, что именно в нем корень зла. В первом послании к Тимофею сказано: *«Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям»* [2].

Все это как нельзя лучше характеризует Барона, ведь это образ его жизни: *«Кажется, не много, / А скольких человеческих забот, / Обманов, слез, молений и проклятий / Оно тяжеловетный представитель! / Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче / Вдова мне отдала его, но прежде / С тремя детьми полдня перед окном / Она стояла на коленях воя»* [6].

Переступая через других, Барон лишает себя возможности искупить свои грехи, ставит в приоритет не душевное благополучие и нравственность, а сундуки с богатствами: *«Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих, – вы, которые говорите: ‘когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену сикля и обманывать неверными весами, чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а высебки из хлеба продавать»* (Книга пророка Амоса. Глава 8) [2].

В своем главном монологе Барон приближается к царству Сатаны, сравнивая себя с демоном: *«... как некий демон / Отселе править миром я могу»* [1]. Эти слова выражают неверие Барона в небесные силы, которые могут послать наказание за грехи. Истина для него - унижение других и искренняя вера во зло: *«Вползет окровавленное злодейство, / И руку будет мне лизать, и в очи / Смотреть, в них знак моей читая воли»* [Там же]. Барон считает себя властелином всего насущного, тем самым приравнивая силы Бога к нулю.

На самом же деле Барона ждет такая же кара, как и всех остальных отступников от веры. Если мы обратимся к «Божественной комедии» Данте, то увидим, что все скупые и, наоборот, расточители (то есть те, кто не умеет совершать разумные траты) попадают на четвертый круг ада. Наказание, в соответствии с их натурой, достаточно справедливое: души их будут существовать в вечном споре друг с другом.

Чем ниже в подвал спускается Барон, тем больше он отдалается от человеческой сущности. Все действия, которые совершает Барон, каждый раз спускаясь в подвал, похожи на тайный обряд: *«Хочу себе сегодня пир устроить: / Зажгу свечу пред каждым сундуком, / И все их отопру...»* [6]. В жертву Сатане Барон принес собственную душу.

Даже когда Барон чувствует, что пришло время его смерти, он продолжает беспокоиться только об одном – о ключах, закрывающих те двери, за которыми хранятся богатства, что дороже всего на свете: «*Стоять я не могу... мои колени / Слабеют... душно!.. душно!.. Где ключи? / Ключи, ключи мои!..*» [6]. Это не удивляет нас, ведь очевидно, что у Барона нет шанса на искупление, так как тьма полностью заполнила его сердце и душу. Поэтому жизнь скупого отца не могла закончиться раскаянием: «Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им» (Книга притчей Соломоновых. Глава 1) [2].

Барон полностью во власти ада. Когда человек убивает в себе Бога, он запускает механизм приближения к Сатане, содействует пробуждению дьявольских сил.

Л.В. Жаравина проводит параллель «Скупого рыцаря» и «Иов- ситуации», показывая разницу между героями [4]. Иов всю жизнь трудился и жил честно, поэтому и имел большую семью и хороший достаток. Барон же не имел никого (кроме сына, которого навсегда отвернул от себя) и нажил свое имущество путем чужих страданий. Объяснение этой ситуации мы можем найти в «Книге Екклесиаста, или Проповедника»: «И обратился я и увидел еще суету под солнцем; человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством. ‘Для кого же я тружусь и лишаю душу мою блага?’ И это — суета и недоброе дело!» [2]

Бог наградил Иова за то, что тот не свернул с праведного пути и не ступил на дорогу лжи, предательства. Барон же поплатился за свои грехи. В названии трагедии содержится оксюморон. Рыцарь – это отважный и мужественный, преданный своему королю и своей родине и великодушный, честлоубивый и учтивый феодал. Главные заповеди рыцаря: быть верующим христианином, охранять церковь, защищать слабых. Такой человек априори не может быть скупым.

Скупым в трагедии является не только Барон. Для Альбера деньги – это не просто способ выжить, но способ подняться в глазах общества и стать истинным рыцарем, искоренив главный свой порок – бедность. Ради этого Альбер готов буквально на все. Альбер, как и его отец, не может считаться настоящим рыцарем. Все, что его заботит – это его благосостояние. Его волнует мнение окружающих по поводу внешнего вида несостоявшегося рыцаря: «*Геройству что виною было? – скупость*» [6]. Во всех своих бедах Альбер винит отца.

Когда Жид предлагает Альберу отравить отца, чтобы завладеть всеми его спрятанными богатствами, тот отказывается и даже возмущенно говорит: «*Как! Отравить отца! И смел ты сыну...*» [Там же]. Но не будем исключать тот факт, что перед этим Альбер задавал слишком много вопросов, например, сколько ему будет стоить яд, как правильно им пользоваться, делая вид, что сначала он не понял, на что намекает Жид. Затем, он словно оправдывает себя: «*Вот до чего меня доводит / Отца родного скупость! Жид мне смел / Что предложит!..*» [6].

В Библии отцеубийство – это один из самых низких путей грехопадения. Богоубийство равнозначно отцеубийству. Барон уничтожил в себе Бога, у Альбера появляются мысли об убийстве отца, да и о его вере в Бога можно судить только по употребляемым в его речи словам, таким как пращур, аминь.

Рассмотрим следующую ситуацию. Отец бросает Альберу перчатку в порыве гнева. Тот же стремительно поднимает ее и принимает вызов на дуэль. Этот поступок доказывает, что Альбер совсем не против избавиться от отца, который приносит ему столько проблем. Это преступление не только против отца, но и против Бога. Согласимся с А.Н. Архангельским, что сцена выстроена двусмысленно [1, с. 140]. С одной стороны, поспешность поднять перчатку может быть связана с тем, что Альбер уже подсыпал яд отцу, а дуэль – единственный шанс оправдать отцеубийство. С другой стороны, он только что принял окончательное решение расправиться с отцом, а перчатка – отличный шанс сделать это и оправдать себя. Неожиданная, загадочная и почти моментальная смерть Барона не может не наталкивать на мысль, что Альбер мог согласиться на предложение Жида и отравить отца. А значит, жажда денег полностью овладела и им.

Альбер целиком и полностью – личность эмоциональная, он вспыльчив, страстен до денег, стремится, как и все рыцари его времени, быть успешным, думает о дамах. Но все эти желания следуют за

одной навязчивой идеей – стремлением получить деньги отца. Он не желает заработать деньги, он хочет легких денег, которые, как ему кажется, смогут решить все его жизненные проблемы. Но в том, что Альбер стал таким низким человеком, виноваты не только современные для Альбера идеи, но и его родители. Какой пример был перед его глазами?

Альбера ждет та же участь, что и его отца: он попадет в пристанище дьявола. Кто знает, возможно, когда к нему попадет его наследство, он все растратит и угодит на четвертый круг ада за расточительство.

Сын и отец в пьесе являются ущербными в том смысле, что они терзаются каждый своим голодом. Они преследуют определенную цель, подкрепленную мотивом несовершенства их мирского существования. Альбер жаждет денег, потому что у него их нет, Барон – потому что ненасытен. По этой причине и возникает ситуация начала душевного падения: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того. И это — суета!» (Книга Екклесиаста, или Проповедника. Глава 5) [2].

В «Скупом рыцаре» нет ни исключительной личности, ни исключительных обстоятельств, и уж тем более нет героической гибели. Все герои порочны и лишены шанса на искупление, конец их очевиден.

Таким образом, мы вслед за выдающимися исследователями рассмотрели первую трагедию пушкинского цикла в философско-религиозном аспекте. Это позволило нам во многом по-новому посмотреть на известный текст и осознать его злободневность, которая, на наш взгляд, заключается в дефиците духовности.

Литература

1. Архангельский А.Н. Герои Пушкина. Очерки литературной характерологии: М.: Высш. Шк., 1999.
2. Библия. Ветхий завет. // [Электронный ресурс]. URL: <http://rusbible.ru/index.html>
3. Дмитриев А.П. Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет // Русская литература. 1995. № 1. С. 255–269.
4. Жаравина Л.В. «Драматические опыты» А.С. Пушкина в философском контексте: Маленькие трагедии. Волгоград: Перемена, 1995.
5. Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. // Христианство Пушкина: проблемы и легенды // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/pushkin2/H06-T.htm>.
6. Пушкин А.С. Маленькие трагедии // Скупой рыцарь // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=68121>
7. Шиманский Г.И. Конспект по Нравственному Богословию // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dorogadomoj.com/dr643shi0.html>.

PETRENKO Y.G.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PHILOSOPHICAL-RELIGIOUS OVERTONES OF THE TRAGEDY “THE COVETOUS KNIGHT” BY A. S. PUSHKIN

The study of philosophical and religious point of view, analyzes the tragedy “the covetous knight”. Installed and commented on the roll call Pushkin and biblical texts that enables us to take a fresh look at the tragedy and to understand its relevance.

Key words: A.S. Pushkin, tragedy, philosophical and religious overtones, an oxymoron.